

ISSN 1814 - 6961

**ОТАН ТАРИХЫ
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИЯ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

**HISTORY OF THE
HOMELAND
RESEARCH JOURNAL**

**Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2015, № 3 (71)**

3/2015

Құрылтайшы:

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым Комитеті
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты

Бас редакторы:

Ханкелді Әбжанов

Редакциялық алқа:

Р. Абдуллаев (Өзбекстан), М. Асылбеков, Б. Аяған, М. Әбусейітова,
С. Әжіғали, Н. Әлімбаев, К. Бұрханов, Б. Байтанаев, М. Ескендіров,
Қ. Жұмағұлов, Ф. Кенжебаев, Б. Көмеков, Мансура-Хайдар (Үндістан),
Р. Масов (Тәжікстан), Ә. Мұқтар, В. Плоских (Қырғызстан), Ю. Петров
(Ресей), О. Смағұлов, Сон Ен Хун (Оңтүстік Корея), Е. Сыдықов,
У. Фиерман (АҚШ), Чень Шиамин (Қытай), А. Чубарьян (Ресей)

Бас редактордың орынбасары:

С. Смағұлова

Жауапты редактор:

З. Төленова.

Редакторлар:

К. Нұрымбетова, А. Оралова

Редакцияның мекен-жайы:

050100, Қазақстан Республикасы,

Алматы қ.,

Шевченко көшесі, 28,

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты,

«Отан тарихы»

журналының редакциясы

Телефон: 272-68-46

E-mail: kazhistory@bk.ru

Электрондық мекен-жай:

www.iie.kz

Журнал Қазақстан Республикасының Ақпарат және қоғамдық келісім министрлігінде 1998 ж. 9 наурызда тіркеліп, N 158-ж куәлігіне ие болды.

Мақалаларды қайта бастырып жариялағанда, микрофильмге және басқа да көшірмелерге түсіргенде міндетті түрде журналға сілтеме жасау қажет.

**Мазмұны
Содержание
Contents**

**Қазақ хандығы – 550 жыл
Казахское ханство – 550 лет
Kazakh Khanate - 550 years**

АБЖАНОВ Х.М.

Казахское ханство и мировое историческое пространство.....5

БИМЕНДИЕВ А. Ш.

Знамя как символ власти казахских ханов-чингизидов
(поизобразительными этнографическимисточникам.....18

**Тарих теориясы
Теория истории
Theory of History**

ГОЙИБОВ Б.С.

Согдийская конференция: формирование и особенности47

**Тарих және тұлға
История и личность
History and Person**

БАЙБОЛСЫНОВА А.С.

Генерал Ғұбайдолла Жәңгіров.....61

ЕСМАГАМБЕТОВ К.

Мустафа Шокай: выбор третьего пути.....70

ЖЕТПІСБАЙ Н.Ы.

Кенесары мен Жоламан: екі азаттық күрес майданының бірігуі.....79

**Ұлы Жеңіске – 70 жыл
70 лет Великой Победе
70th Anniversary of the Great Victory**

КЕҢЕСБЕКОВА А.К., ТҰРСЫНБЕК Н.

«Қазақ халқының майдандағы қазақ жауынгерлеріне
жазған хатына» байланысты табылған құжаттар.....95

**Тарих толқынында
В потоке истории
In the Stream of History**

ХАМИТОВА М.А. Қазақзиялылары және ұлттық рухани көзқарастар табиғаты.....	100
СМАҒҰЛОВА С.О. «Қазақ» газетіндегі қажылық мәселесі.....	110
ОМАРОВ Қ.Ә. 1930 жылғы Қызылқұм көтерілісі және Ақмырза ишан тұлғасы.....	118

**Тарихнама, деректану және зерттеу әдістері
Историография, источниковедение и методы исторического исследования
Historiography, Source Studies and methods of historical research**

ЖІГЕР ЖАНӘБІЛ «Моңғол ауысымы» және оны кезеңге бөлу мәселесі.....	128
КСЕНЖИК Г.Н. Картографические документы XIX - начала XX в.: источник по истории, этнографии, топонимики и исторической географии Казахстана.....	149
АЙТАЛЫ А. Отношение студентов к религии: опыт исследования регионального вуза.....	161
СУЖИКОВ Б.М. Интеграционные модели этничности и историческое сознание в западноцентральноазиатском регионе.....	169

**Жас ғалымдар зерттеулері
Исследования молодых ученых
Researches of young scientists**

АМЕТОВ Т.А. Социально-экономические и политические условия развития Республики Каракалпакстан в составе Республики Узбекистан.....	176
KUBEYEV R. The Islamic Identity and Some Issues of the Soviet Nation-Building in Central Asia (Historiographical Review).....	183

**Рецензии и библиографии
Рецензиялар және библиография
Reviews and bibliographies**

ТРЕПАВЛОВ В.В. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах. Автор проекта, введения, биографий ханов, научных комментариев, сост. и отв. ред. И.В.Ерофеева. Алматы: АО «АБДИ компани», 2014.....	190
---	-----

**Некролог
Некролог
Necrology**

МӘЛІК-АЙДАР ХАНТЕМІРҰЛЫ АСЫЛБЕК	193
--	-----

Автордың қорытындысы бойынша, Қазақ хандығы өз кезегінде екі ұлы мұра қалдырды: бірі – ұлан ғайыр және біртұтас аумақ болса, екіншісі – бәсекеге қабілетті, рухани-адами құндылықтарға бай халық. Бұл баға жетпес құндылықтар қазіргі Қазақстанның материалдық және әлеуметтік негізін құрайды.

Түйін сөздер: Қазақ хандығы, әлемдік өркениет, көне түріктер, Ұлы Дала, мемлекеттілік.

AZBZHANOV KH.M.

Director of the Institute of History and Ethnology
named after Ch.Ch.Valikhanov, Doctor of Historical Sciences,
Corresponding Member of the NAS RK

KAZAKH KHANATE AND THE GLOBAL HISTORICAL SPACE

Summary

This article discusses the origins of the formation of the Kazakh Khanate in the complex historical processes at the crossroads of the world civilizations. Basing on primary sources the author shows the interpenetration and interaction of the Kazakh Khanate with the outside world in the process of world history.

According to the author's conclusions the Kazakh Khanate left two great legacies: an immense territory and a single, competitive, tolerant people with rich inner moral world. These invaluable values constitute a material and social basis of modern Kazakhstan.

Keywords: Kazakh Khanate, world civilization, ancient Turks, Great Steppe, statehood.

УДК 94+73/76+39/(574) (=943.42)

БИМЕНДИЕВ А. Ш.

Независимый исследователь, к.т.н.

ЗНАМЯ КАК СИМВОЛ ВЛАСТИ КАЗАХСКИХ ХАНОВ-ЧИНГИЗИДОВ (по изобразительным и этнографическим источникам)

Аннотация

В статье на основе изобразительных и этнографических материалов предпринята попытка реконструкции формы и внутреннего рисунка знамени казахов конца XVIII в. Автор приводит доводы в пользу использования флагов и знамен в традиционной свадебной, хозяйственной и поминально-погребальной обрядности казахов. В качестве изобразительного примера использованы впервые открытые им рисунки военного художника-топографа А. де Барбиша, а также другие изобразительные материалы, казахская геральдика.

Ключевые слова: знамя, бунчук, тамга, ханы, чингизиды, А. де Барбиш, казахи, геральдика, обрядность.

Исследования, посвященные символам власти и государственной атрибутике Казахского ханства, актуальны и вместе с тем слабоизучены. Анализу возникновения и генезиса символов власти и государственной атрибутики в средневековых государствах на территории Казахстана посвящено не много работ. Нам известна только одна исследовательская работа, посвященная одному из символов власти и государственности казахов — печатям казахской правящей элиты [1]. В еще одной работе приводятся исторические письменные свидетельства существования трона и короны у казахских ханов [2].

Рис. 1. Монгольские всадники.
Миниатюра начала XIV в.

в бой сына Касым-хана Абул-Хайр-хана с кызылбашами на берегу Амурдарьи. «Абул-Хайр-хан приказал ударить в боевые барабаны. А в его армии был сорок один барабанщик и знаменосец. Все они забили в свои барабаны...» [5].

Современник и историограф шибанида Абдулла-хана (XV в.) Хафиз-и Таныш, в «Шараф-наме-йи шахи» сообщает: «Правитель Кашгара, хан Рашид-хан отправил в Самарканд султана Саид-султана с войском, со свитой, барабаном и знаменем. Саид-султан с огромной армией неисчислимым войском прибыл и приступил на трон власти, на престол господства». [6].

Приведенные свидетельства источников наглядно и достаточно полно показывают главные знаковые символы Казахского ханства. Таковыми в эпоху его становления и последующего развития в средневековье и новое время были печать, трон, корона, а также боевые барабаны и знамена казахских ханов и султанов.

В этих атрибутах, государственных символиках казахских чингизидов наиболее ярко и концентрированно выражается культурно-историческое своеобразие государства, потому что верховная власть в каждом государстве имеет свою особую социально-культурную природу и свою собственную оригинальную историю.

Настоящая работа посвящена знаменам – как знаковому символу, священной реликвии, культовому предмету, как символу власти у казахов и их предков, а так же их этнической идентичности внутри уникального культурного кочевого мира. Знамя у казахов, как будет видно в дальнейшем по этнографическим и изобразительным материалам, является стержнем их целостного мировоззрения, где каждая вещь, обряд, явление, поступок сопряжены множеством нитей друг с другом, образуя некую сбалансированную завершенность.

А какими они были, стяги Великой Степи?

В древности и средневековье знамена служили знаком войскового объединения, приобретая со временем значение особого символа государственного и культового значения, с которым связаны невидимыми нитями судьбы воинов, защита знамени становится вопросом чести, наконец после смерти Чингиз-хана знамя начинает почитаться как реликвия, рис. 1.

Сведения о девяти знаменах казахских ханов встречаются в сочинении «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали [7, с. 330–331]. В «Тарих» Шах-Махмуда Чураса говорится о семи бунчуках и знаменах казахского правителя Хак-Назар-хана [7, с.

Вместе с тем, все атрибуты власти у казахских ханов упоминаются в средневековых источниках. Так в «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммад Хайдара Дуглата имеется сообщение, что после смерти Мамаш-хана «на ханский трон сел Тахир-хан» [3]. Другое сообщение привел Хайдар ибн Али Хусайн Рази, автор «Тарих-и Хайдари» сочинения начала XVII в.: «Кумаш-хан, сын Касым-хана, как сказано, возложил на голову корону царства» [4]. Сведения о троне и короне у казахских правителей содержатся в «Алам-ара-йи Шах Исмайл»: «приглядевшись, он (посол Шибанидов Джанибек-султан) увидел Касим-хана, который, ... восседал на Чингиз-хановом троне, сделанном из чистого золота; и четыре угла этого трона были сделаны в виде льва, леопарда, тигра и дракона. На голове у него была... корона Чингиз-хана» [5, с. 80]. В этой же работе описывается момент вступления

Рис. 2а-б. Конные игры у казахов XIX в. Худ. Н.Н. Каразин.

Рис. 3. Мулла-проповедник с флагом в XIX в.

Рис. 4. Казахские воины XVIII в

379]. В «Тауарих хамсе», сочинении историка начала XX века Курбангали Халида, говорится, что красное знамя Урус-хана находилось у казахского хана Еси-ма. Также он писал о красном, белом, зеленом знамени казахских правителей [8]. В казахском фольклоре встречаются сведения о знаменах казахских ханов, например, о белых знаменах Абылай-хана – «Абылайдың ақ туы». Конструкция навершия знамени Абылай-хана, хранящееся у потомков его знаменосца Жаугаш батыра, была нами опубликована в «Большом атласе истории и культуры Казахстана» [9, с. 432].

Существование знамени имеет весьма значительную историческую ретроспективу, уходящую в глубь тысячелетий. Знамени или знаменному комплексу, как феномену военно-политической культуры средневековых тюрко-монгольских кочевников Центральной Азии, имеющих ярко-выраженные корни в этнографическом субстрате, посвящено множество работ [10; 11; 12; 13], рис. 2а-б, 3.

На сегодняшний день у исследователей нет точных сведений о том, как выглядело казахское знамя, какой формы и цвета оно было, какова была морфология знамен казахских правителей, что изображалось на полотнищах, размеры стяга, чем отличалось знамя от бунчука, какова флагистика казахских чингизидов. Вопросов, как видно, много. Ответов пока нет. Поэтому, история становления и эволюции государственных символов, в т. ч. знамен правящей казахской элиты прошлых эпох, как и многие другие аспекты темы, относятся к самой неразработанной в науке области источниковедения. В связи с вышеизложенным настоящая работа представляет собой, по существу, первое в науке специальное исследование, непосредственно посвященное знаменам казахских чингизидов, как важному источнику политической истории средневекового Казахстана. Оно основывается на изучении, обработке и систематизации фактического этнографического материала и изобразительных источников.

Рис. 5. Переправа казахов через реку в начале XIX. Худ. А.О. Орловский.

Сохранившиеся в крупнейших музеях и архивах мира изобразительные материалы, опубликованные зарисовки путешественников XVIII–XIX вв., миниатюры средневековых авторов разных эпох наглядно отражают наличие знамен у казахов в далеком и относительно недавнем историческом прошлом, дают представление о форме, цветовой символике и морфологии знамен, рис. 4, 5, 6.

По этим старинным рисункам и картинкам можно восстановить многие малоизвестные либо чрезвычайно запутанные фрагменты семантики знамен, которые по разным причинам не нашли отражения в других видах исторических памятников.

Ранние прообразы геральдических знаков и символов следует искать в нумизматических материалах, произведениях декоративно-орнаментального искусства Золотой Орды и Казахского ханства, именных печатях степных правителей той эпохи и нового времени. Там можно обнаружить часто повторяющиеся знаки или образы, свидетельствующие о наличии определенной устойчивой семантической традиции передачи социально-культурного своеобразия степи в целом, и его отдельных регионов. На основе таких, повторяющихся в веках знаковых изображений, несущих в себе семантику властных отношений, постепенно рождаются и развиваются геральдические символы, которые существовали у казахов на протяжении многих столетий.

Многие потерянные и забытые традиции казахов, в том числе и государственную символику, можно распознать, прочитать и восстановить посредством системного охвата того огромного культурно-исторического наследия казахов-кочевников, которое разбросано по всему миру в архивах и музейных хранилищах, но в то же время вполне доступного для изучения. Это нужно для развития и

Рис. 6. «Нападают врасплох». 1871 г. Худ. В.В. Верещагин.
картина и ее фрагмент.

совершенствования наших геральдических традиций, в частности для обогащения их внутреннего содержания.

Мы рассмотрим два первоисточника, которые несут однозначную информацию и напрямую исходят от самих носителей титулов правителей, казахских ханов и султанов чингизидов.

Первое. Перстневые печати казахских правителей-джучидов всегда имели почти стандартную каплевидную форму, наглядно свидетельствующую о монопольной принадлежности таких эксклюзивных печатей именно аристократическому сословию чингизидов.

Так, в специальном донесении оренбургского военного губернатора графа П.К. Эссена управляющему МИД графу К.В. Нессельроде от 28 апреля 1826 г. прямо утверждалось по этому поводу: «Золотые и серебряные печати, жалуемые киргизским (казахским) султанам и старшинам, служат сколько наградой по степени усердия и услуг, ими оказываемых, столько же и отличием их званий, самую форму, какую они имеют. По обычаю, издревле у них введенному и как бы законом ими признаваемому, печати, у коих вверху один угол острый, а продолженные бока его к низу сходятся и образуют полукруг, означает достоинство султанское, то есть княжеское. Те же, коих форма четырехугольная, круглая или овальная, –

показывают звание старшин. Посему султаны никогда не прикладывают к своим бумагам печатей сей последней формы, почитая себе неприличным, и лучше ставят тамгу, если не бывает у них печати с одним острым углом, султанской называемой» [1, с. 19].

Крупные черные пятна фона каплевидного щитка перстня-печати украшались мелкими ободками и изящными розетками, общий контур поля окаймлялся орнаментальными украшениями разных видов и обводился по краям одной или двумя тонкими линиями, повторяющими его очертания. Благодаря присутствию всех этих декоративных элементов в оформлении матрицы именные печати казахских ханов и султанов являлись удостоверительными знаками.

Хотя главным содержательным ядром каждой ханской или султанской печати являлось текстовое обозначение личности ее владельца, именно внешнее орнаментальное обрамление несло в себе отчетливо выраженную семиотику древней тенгрианской концептуальной идеи – исполненной всеобъемлющей вселенской силой и строго элегантной мифопоэтической картиной мироздания – о «Вечном синем небе», сыном которого считался «Великий Потрясатель» евразийского мира, рис. 7а–г.

Второе. Также важным историческим источником является

Рис. 7. Перстневые печати казахских ханов и султанов (По И.В. Ерофеевой) и их окантовка.

герб князя Чингиса, рис. 8а, 8б, где все официальные родовые чингизовские регалии признаны как принадлежащие казахским чингизидам.

«Именным Его Величества, в Бозе почивающего Государя Императора Александра II, указом, данным Правительствующему Сенату 30 Августа 1870 года, третий сын покойного Хана Внутренней Букеевской орды Джангера отставной Полковник Султан Ахмет-Гирей Чингис, с нисходящим от него потомством, Всемилостивейше возведен в княжеское Российской Империи достоинство, на которое 9 Августа 1879 года пожалована грамота, герб же Высочайше утвержден 14 Января 1866 года» [14, с. 84].

Рис. 8. Герб российского князя и генерал-лейтенанта Султан Хаджи Губайдулла Жангир-оглы Чингис-хана, сына хана Букеевской Орды Жангира. Утвержден в 1866 г.

После смерти Ибрагима, второго сына хана Жангира, возведенный в княжеское достоинство 23 февраля 1852 года, третьим князем Чингисом с нисходящим потомством стал Ахмет-Гирей. Приведем описание герба князя Чингиса: «Щит рассечен. В первой лазуревой части золотая тамга в виде скошенного креста *X* — знак Чингис-хана. Во второй червленой части, золотая же тамга в виде буквы *m* — знак ханов Букеевской Киргизской (Казахской. — *А.Б.*) Орды. В противогорностаевой главе щита, золотой лук, на котором косвенно накрест положены золотые секира и стрела острием влево. Щит увенчан булатным шишаком Чингис-хана с золотыми украшениями и с двумя серебряными перьями. Вместо Намета кольчуга. Щитодержатели: правый — монгол в стеганой одежде и такой же шапке, с колчаном, опирается правой рукой на саблю; левый — киргиз (казах. — *А.Б.*) в шляпе с саблей держит в левой руке копые. Герб украшен червленой, подбитой горностаем мантией с золотыми кистями и бахромой и увенчан княжеской короной» [14, с. 85; 15; 16, с. 222].

Если вычленишь из герба регалии княжеского достоинства Российской империи, то мы увидим содержательную часть геральдики, которая принадлежит казахским чингизидам, рис. 8в, 8г.

В основе герба казахского чингизида два главных элемента — тамги. Первая в виде скошенного креста *X* — знак Чингис-хана, вторая тамга в виде буквы *m* — знак ханов Букеевской Киргизской (Казахской. — *А.Б.*) Орды. Надо подчеркнуть, что другие геральдические элементы — золотой лук, золотые секира и стрела — восходят к древнетюркским мировоззренческим традициям и понятиям. Если, стрела с луком это символический знак Умай-Ана [17; 18], то секира (топор) — один из важнейших

и наиболее узнаваемых и распространенных видов оружия казахов – это символ полновластия, связанный с древними богами солнца и у многих народов – символ власти вождя, правителя и повсеместный атрибут воина. У некоторых тюркских народов секира носит название «айбалта», в т.ч. у казахов, буквальный перевод означает «луна-топор». Д.С. Дугаров проводит параллель, что у бурят древнейшим верховным богом был бог Айа – творец и громовержец, у алтайцев верховное божество Ульген иногда называли Айас-кааном и молниеносцем, у якутов божество Айы выполняло функции громовержца. Палица, топор были главными атрибутами богов-громовержцев у многих народов. Исходя из этих источников, Дугаров делает предположение, что исконное значение названия *ай балты* было не «луна-топор», а топор бога Айы, что в свою очередь указывает, возможно, на

то, что бог Айа у тюркских народов был лунным богом, олицетворением луны [19].

Обе тамги герба расположены на щите, который увенчан булатным шишаком Чингиз-хана с двумя серебряными перьями в виде султанов. Шишак или боевой шлем с перьями в древнетюркском языке назывался тугулга/ туглуга (тюрк. из корневого «туг»), дулыга (каз.), дабулга (монг.) [20, строка 1432]. А два пера в боевом шлеме или в головном уборе чингизидов, в двух гнездах на маковке, либо спереди по бокам, называли «туг», т. е. «кисть степени» [20, строка 1429]. Иными словами, туг – «знак, значок» мог выступать не только как «знамя, штандарт», но и в других качествах, а именно «султана» на головном уборе чингизидов.

В данном случае, булатный шишак Чингиз-хана с золотыми украшениями и серебряными перьями – это боевой вариант короны казахских ханов-чингизидов, рис. 9. Оно соответствует канонам доспехов золотоордынских правителей, например булатному шишаку Токтамыш-хана, который изображен в работе средневекового художника, рис. 9а-д.

В плане мифологической интерпретации семантики герба огромный интерес представляют и фигуры изображенных на нем 2-х щитодержателей – знатного воина-монгола, облаченного в воинский доспех, характерный для XIII в. и казахского батыра в парадной

Рис. 9. «Султаны» чингизидов на шлеме герба князя Чингиса (а) и миниатюрах Зафар-наме (б-д).

Рис. 10. «Отъезд невесты». Худ. А. де Барбиш. Картина и фрагмент.

одежде торе-чингизида, несомненно, символизирующих идею преемственности власти казахских ханов от их знаменитого предка.

«Обнаруженные» нами элементы геральдики казахских чингизидов, мы начали искать в изобразительных источниках, опубликованных нами в книгах «Большой атлас истории и культуры Казахстана» (2008, 2010), «Казахи. История и культура» (2013) [9; 22].

В фондах Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге нами был изучен прежде не публиковавшийся альбом рисунков «Киргизия. Обычай» военного художника-топографа А. де Барбиша, состоящий из 15 акварельных рисунков, 14 из которых посвящены различным жизненным циклам казахского общества второй половины XVIII в. Рисунки датируются 1793 г. Согласно проведенным нами изысканиям де Барбиш вместе со своим Иркутским драгунским полком был расквартирован в крепости Усть-Каменогорска. Согласно этим данным, а также содержательной части его рисунков мы предполагаем, что он запечатлел в них казахов Восточного Казахстана.

Рис. 11. Взятие ханом Батгем города Суздаль. Миниатюра русской летописи XVII в.

В картинах, где запечатлены сцены и элементы духовной культуры, в особенности свадебной, похоронной обрядности, а так же такого важного для кочевой жизни процесса, перекочевки, зафиксированы многие нюансы и важные детали, которых мы не замечали в других письменных источниках и памятниках материальной культуры. Этот источник, сохранивший для нас уникальный исторический материал, позволяет реконструировать прошлое, в котором естественно запечатлелась обрядовая культура казахов не только XVIII века, но и культурные традиции, восходящие к древнетюркским временам.

Рис. 12. Семья калмыцкого табунщика.

Рис. 13. Казахское красно-зеленое знамя. Реконструкция Бимендиева А.Ш. Знамя № 1. Справа печать Абулмамбет-хана и прорисовка ее окантовки.

Рис. 14. Древнетюркские знаменосцы (по А.Н. Марьяшеву).

Рис. 15. Перекочевка. Худ. Дж. Касл. 1736 г.

Рис. 16. Лечение в юрте шамана. Худ. Дж. Касл. 1736 г.

Глубокая информативная насыщенность картин, а главное их достоверность predeterminedены задачами художника, фиксирующего окружающую действительность с позиции военного наблюдателя и предоставившего результаты этой работы в виде альбома рисунков высшим российским чинам в Санкт-Петербурге.

На наш взгляд, этот пытливый художник в своих работах зафиксировал три вида знамени, участвовавших в обрядовых действиях казахов.

Первое знамя присутствует в проводах невесты в свадебном караване. На одном из верблюдов каравана невесты художник изобразил удлиненное матерчатое полотнище с тремя символами и двумя косицами красно-зеленого цвета, рис. 10.

Такая форма знамен, напоминает древнетюркские знамена, которые изображены в петроглифах Казахстана, Ешкиольмес [23] в виде полотнища прямоугольной формы с треугольным вырезом по свободному краю или с украшениями в виде кистей (или хвостов животных), рис. 14. Форма знамени с двумя косицами использовалась монголами из армии Бату, рис. 11. Развеваящееся казахское знамя во время перекочевки показано на рисунке

другого европейского художника Джона Касла (Ян Кассель), посетившего ставку хана Младшего жуза Абулхайра в 1736 г. [24]. Стоит отметить, что Касл был в казахских степях раньше на более чем полвека до Барбиша и изобразил казахский кош (перекочевку) в военное время или в момент всеобщего сбора, поэтому и знамя на рисунке показано развевающимся, рис. 15. Еще один флаг (или флажок), схожий по форме с флагом Барбиша, показан на другом рисунке Касла, запечатлевшем момент камлания в юрте казахского шамана-баксы, рис. 16. По этому поводу Т.Д. Скрынникова отмечает «сходство, которое наблюдается у правителя/жреца и у шамана в атрибутике, сходство, которое является большим, чем просто внешнее сходство, поскольку, вероятнее всего, для обеих групп эти атрибуты были связаны с предками: шапка, бубен/барабан, копьё/знамя» [21].

Знамя с двумя косицами, очень распространено было не только у казахов, но и у многих тюрко-монгольских кочевников, рис. 12.

Два символа, которые изображены в знамени – это сдвоенные скошенные кресты, очень стилизованы и помещены в круг, обведены по краям двумя тонкими линиями, повторяющими его очертания. Третий символ, расположен в середине, между двумя крестами представляет собой двухстороннюю секиру (топор), скрещенную с линией на концах которой орнамент «лапы сокола» или два трилистника, два конца которого нарисованы торчащими вверх, а третий загнут вниз, рис. 13. Все это размещено в ромбовидном квадрате, который двумя вершинами касается вертикали, а другими двумя горизонтали и соприкасается с двумя круговыми скошенными крестами. Ромбик в орнаментальной семантике означает символ богини – матери плодородия и вечной жизни. В орнаменталистике тонкие фигуры, обращенные вверх трилистника «пойи мург» – «лапа птицы» или «лапа сокола» – если два конца торчат вверх, а третий загнут вниз. Эти мотивы очень распространены в центрально-азиатской орнаменталистике [26].

По всему контуру знамя окаймлено орнаментальным украшением. И это орнаментальное украшение присутствует и копирует обрамление каплевидной печати хана Абулмамбета, рис. 7в, отца султана Абулфеиза, правителя Восточного Казахстана, именно в последней четверти XVIII в, скончавшийся в период пребывания де Барбиша в этом регионе.

Итак, в обнаруженном знамени присутствуют геральдические знаки из герба князя Чингиса — скошенный крест, секира и орнамент, семантически означающий Умай-Ана или сокол-птицу (последнее семантически восходит к Умай-Ана-Птице). А обрамления знамени и обрамления печати казахского хана, являющиеся элементом, отражающий монопольную принадлежность к чингизидам совпадают и представляют орнаментальный узор, напоминающий заплетенную

Рис. 17. Сузани и ее фрагмент (по О.А. Сухаревой).

веревку с магическими ожерельями из бусинок – «моншак». Наличие равностороннего креста знака Х – у Аблайхана и у Абулхайрхана означает общую структуру символов у ханов Средней и Младшей орды, а также общую морфологию знамен казахских правителей. Использованный в оформлении герба князя Чингиса скошенный крест Х, означающий знак Чингиз-хана, его золотую тамгу, имеет историческую ретроспективу, относящуюся к мировоззрению и мироощущению казахов и их предков, вкладывавших в образы и символы

весьма важный семантический и идейный смысл. Символическое значение креста в представлениях древних и средневековых кочевых народов Центральной Азии восходит к Тенгри и «Вечному синему небу». Семиотика крестообразной тамги зашифрована в мифологии народа и связана с представлением о космосе. Этот знак в гербе чингизида Ахмет-Гирея означает не только жизненную силу «кут», душу, а также счастье и божественную благодать, титулы царственных особ. Этот знак как символ небесных светил (солнца и луны) лежит в основе традиционного тюрко-монгольского понимания сакральной власти великого каана (хана), восходящего к древнетюркским традициям VI–VII вв.

Сейчас общепризнано, что единственным источником особой благодати и харизмы у Чингиз-хана было Вечное небо, даровавшее ему ханский престол. Согласно этой концепции, хан, следуя велению Неба, стал как бы его представителем на земле.

Исследователи выделяют наличие двух видов благодати у Чингиз-хана и его преемников: «силы – кючю» и особый вид благодати – сульде [25].

По утверждениям J. Pakoviltza [27], Т.Д. Скрынниковой [25], М.Г. Крамаровского [28], понятия «харизма», «золотая харизма Чингиз-хана», «сияние и свет» синонимичны. Иконографическим воплощением харизмы Есугея и «народа кият» выступает «белый сокол, с солнцем и луной в когтях». Это следует из слов кунгирата Дай-Сечена, сказанных кият-борджигину Есугей-багатуру, отцу Чингиз-хана. Их диалог возник при встрече, когда Есугей с сыном ехали сватать невесту молодому Темуджину (см.: «Сокровенное сказание монголов» 1240 г. [31]).

В обрядовых действиях и текстах характерное вместилище харизмы – голова вождя, древко знамени или его навершие, «девятибунчужное белое знамя, обладающее светом солнца и луны, а также большим древком» [27; 25]. В этих

текстах раскрывается происхождение харизмы (sulder) от света солнца и луны: «Священная харизма пришедшая от алых солнца и луны, священная харизма, обладающая древком знамени и светом солнца и луны» [25].

Исследователи считают, что вместилище харизмы важны благодаря присутствию в них sulder Чингиз-хана. Оказалось, что культ Тенгри (сульде Тенгри), который традиционно определялся как культ особого божества, на самом деле был одной из форм поклонения харизме Чингиз-хана [28]. Его харизма обозначалась термином «Алтын сульде» (Altan Sulde). Этот термин пережил своего обладателя и закрепился за Чингиз-ханом после его смерти.

Важное место в обрядовых действиях, связанных с харизмой Чингиз-хана, принадлежит знамени в виде копейного древка, украшенного конскими гривами – «туг сульде». В XIII в. монголы чтили два главных знамени – «Цаган сульде» (Белое

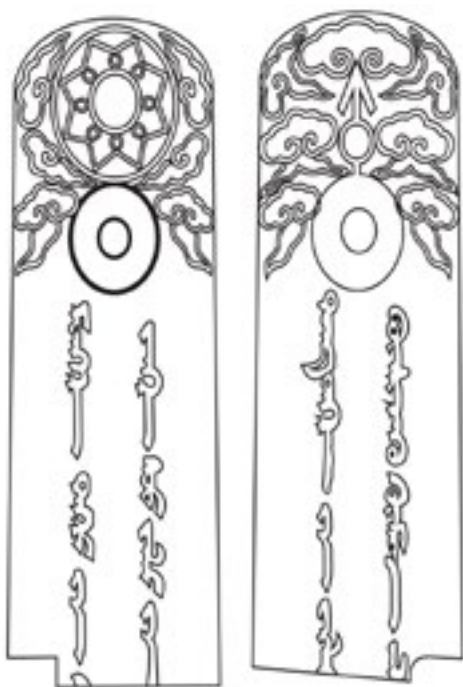

Рис. 18. Серебряные пайцзы времен хана Токты и Узбека (по А.А. Спицину).

знамя) и «Хара сульде» (Черное знамя). «Цаган сульде» символизировало покровительство, оказанное небом Чингиз-хану и его роду; «Хара сульде» представляло воплощение его харизмы [29].

По свидетельству Чжао Хуна, в ставке Чингиз-хана водружалось «большое белое знамя, как знак отличия» [30]. «Тайная история» называет его «девятиножным белым знаменем», что Н. Козин и П. Пелью переводили как «девятибунчужное белое знамя» [31]. Чжао Хун в характеристике боевого знамени чингизовского наместника Мухали в Северном Китае выделил изображение Черной луны. Учитывая связь знаменного древка и луны с харизмой героя, Крамаровский предположил, что копьевидный знак на пайцзах Токты и Узбека и есть изображение древка знамени на фоне полной луны, рис. 18 [28; 32].

Итак, по аналогии, которые наблюдали исследователи, можно предположить, что изображение небесных светил в виде знака скошенного креста, как знака Чингиз-хана, имеет историческую и фольклорную основу, восходящую ко времени создания единого монгольского государства на рубеже XII–XIII вв. Солнце и луна (два креста в круглых формах) в знамени – иконографическое воплощение харизмы Чингиз-хана. Обращение к харизме великого предка, концентрированной в солярных символах, оказалась неизбежным для младших чингизидов как в периоды нестабильности монгольского государства конца XIII–XIV вв., так и после распада Золотой Орды. Солнце и луна или знак креста в виде тамги на гербе Чингиса, а также на знаменах и печатях казахских чингизидов – это знаки одолженной харизмы. Наша попытка истолкования геральдического смысла изобразительных мотивов печатей и знамен казахских ханов, позволяет сделать еще один шаг для их понимания, как памятников культуры Казахского ханства.

Забота ханов о легитимности собственной власти привела их к стягиванию харизмы великого предка к собственному имени. Благодаря появлению чингизовых символов на печати, гербе и знаменах, утвердились говорящие знаки государственные символы Казахских ханов. Этот язык образов для подавляющего большинства ханств оказался более доступным, чем тексты грозных законов и предосторожностей.

Любопытно, что использование харизмы Чингиз-хана в военно-политических целях было исторически зафиксировано в начале XX века. Небезызвестный белогвардейский генерал барон фон Унгерн пытался мобилизовать аратов Монголии против большевистской России под знаменем Чингиз-хана. Вот как вспоминает об этом участник этих событий: «В стороне стояла небольшая палатка, над которой развевалось по ветру шелковое желтое знамя со знаками Чингиз-хана – это было место жительства генерала» [33-34]. «Но они, имея смелости убить его открыто, издали стреляли по палатке, над которой развевалась большая, желтая, шелковая дивизионная хоругвь со знаками Чингиз-хана» [33-34]. Здесь же имеются разрозненные упоминания о наличии в частях значков и флагов. Двое (по другим данным – четыре) из них были захвачены Сретенской кавалерийской бригадой противника 8 июня 1921 г. Адьютант Унгерна и комендант дивизии Н.Н. Князев упоминает «Священное желтое знамя со знаком Чингиз-хана (свастика), ставшее, для белых... и монгольского народа, символом борьбы с коммунистами» [35]. О наличии свастики на флагах частей дивизии утверждает так же французский исследователь В.Жерсон [36].

Использование скошенного креста в казачьих войсках Российской империи имеет тоже исторические корни. Это особенно отчетливо видно на дивизионном (позже полковом) флаге и сотенных значках Туркменского конного дивизиона (позже Текинского конного полка). Под копьем помещался шар белого металла, к которому крепилась плетеная белая кисть бунчука. Флаги состояли из двух половин: квадратная часть желтого цвета, на полотнище нашивался косой крест и вторая половина была с косицами [37].

Рис. 19. Знак *m* на головных уборах казахов (на рис. де Барбиша) и гербе князя Чингиса.

Второй рассматриваемый здесь элемент из герба князя Чингиса также можно увидеть и в рисунках де Барбиша. Речь идет о знаке-тамге в форме готической буквы *m*. Этот элемент присутствует в оформлении войлочной шапки белого цвета у султана казахской орды, рис. 19. Все это, как мы полагаем, свидетельствует об осознанном использовании однообразной султанско-ханской атрибутики в оформлении целой серии предметов государственной символики, как-то знамя, печати, гербы и султанские головные уборы.

Дополнительным аргументом в пользу идентификации знамени в рисунке де Барбиша и его использовании в свадебной обрядности могут послужить разновременные этнографические источники.

Свадебная процессия у степных ногайцев (и у кубанских), перевозившая невесту в дом жениха, называлась «Тавкошь». Невесту сопровождала «еньге», жена старшего брата. У степных ногайцев в составе кортежа могла быть мать невесты, которая в отдельной арбе везла подарки родным

жениха. «Свадебный кортеж» иногда сопровождали 150–200 всадников, которые устраивали скачки, джигитовку [38]. Невеста скрывалась за занавеской (шымылдык), которую готовила ее мать, обряд открывания лица происходил на второй день после прибытия невесты в аул жениха. Но для нас важно другое. Как отмечает И.Х. Калмыков и Р.Х. Керейтов, «над юртой или домом, где происходила свадьба, развевались флаги (байрак), красовались «Шетлевикборк».

Все это – древняя традиция кочевников. У каракалпаков, например, родственницы жениха приносили дастархан – скатерть с завернутыми в нее отрезом ткани и угощения. Эти приношения, в том числе ткани (в виде полотнища), по магическо-религиозным представлениям, должны были защитить от сглаза, действий злых духов и способствовать счастливой и богатой жизни молодоженов. Отец невесты в свадебных ритуалах не участвовал, он оставался у себя дома, но его место обязательно учитывалось выделением места на свадьбе, и передачей специально ему предназначенного угощения. По нашему мнению знамя отца в свадебном кортеже могло означать его символическое присутствие в этих ритуалах, и выполняло защитную функцию от злых магических действий. Интересны параллели, в которых бракосочетание терминологически перекликается с коронацией, венчанием на царство [39]. Для венчания на царство любого претендента сопровождали «... войско со свитой, барабаном и знаменем» [6].

Исследователи многократно отмечали значимую роль флага в духовной культуре тюркских народов, трактуя его в контексте оградительной магии в свадебных обрядах алтайцев.

В алтайских свадебных обрядах в условиях сохранения скотоводческих кочевнических традиций девушка-невеста приезжала в аул жениха верхом на

лошади. Ее лошадь украшали цветными лентами, все убранство коня было праздничным. В этих ритуальных традициях невеста прикрывала лицо занавесом. По утверждениям В.И. Вербицкого, В.В. Радлова, Ф.Фиельструпа отданная замуж девушка не должна видеть ни дороги, ни новой юрты. Невеста считалось священной, чистой («байлу») потому ее прикрывали занавесом и никто не должен был видеть ее лица, пока она не приобретала облик замужней женщины. Только лишь после переодевания и заплетания волос невесты, она в новом качестве предстала перед своими родственниками по браку [40].

Важным этапом подготовительных действий в предсвадебный период являлось строительство нового аила для новобрачных, неподалеку от жилища родителей жениха. В тюркской культуре существуют особенности символической организации внутреннего пространства традиционного центрально-азиатского жилища. В самом священном месте – *тор*, кроме прочего, по древнему обычаю устанавливали «жайык» – объект поклонения. По описанию В.В. Радлова, он представлял собой деревянный обруч с фигуркой человека, заячьей шкуркой, разноцветными лентами. Между двумя связанными березками, представляющими из себя «как жайык» (белый), который находился в центре мужской половины, и «сары жайык» (желтый), находящейся у дверей на женской стороне, считавшимися священными, была натянута белая веревка из шерсти овцы, признающейся благородным животным. На веревку каждого «жайыка» были переброшены отрезки тканей называемые «илу» (от слова «илетен» – повесить). Жайыки также имели по одному «маан», (дословно «знамя»), представлявшему собой большой лоскут материи, кроме того, ленты, вышитые золотистыми нитками («курдак», «жебек») и матерчатые полоски («кыйралар»). Различие жайыка зависело от их предназначения. Это выражалось в строгой цветовой характеристике. «Ак жайык» – имел основной цвет – белый и дополнительно, синий («кок») и голубой («чанкыр»). Сары жайык олицетворение божественной силы, охраняющей данный аил и имел те же дополнительные цвета, но основным был желтый [40].

Вещественным элементом обряда яика, помимо кайры (кайыр), были куски тканей (мааны) в виде платков (знамя). В иконографии они несли охранно-очистительную нагрузку, символизировали огонь, пламя, молнию, которые защищали человека от действий злых духов. В одном из молитвенных текстов говорится: «Пламенем стало «мааны». Молнией стала кыйра, народа моего щит». Две пары длинных тонких шнурков (дебек, тебек) из позумента, что располагались в центре ак-яиков, символизировали нить с эпитетами «шелковая» или «золотая». В догматике алтай-шаманизма, берущего начало из древнетюркских корней, эта нить олицетворяет животворящие лучи. Идея о золотой нити – символа животворящего начала солнца, луны, огня – присутствует в алтайских традиционных верованиях, осталась как фундаментальная идея архаических представлений [41].

Широкое географическое распространение отдельных этнографических предметов и обрядов (детские колыбели, одежда, жилища, свадебная и похоронная обрядность и др.) на территории Центральной и Средней Азии обусловлено древними генетическими и культурными связями разных этносов и этнических групп этого региона с древнетюркской эпохи. Однако элементы материальной культуры жестко детерминированы социально-экономическими и географическими условиями, развитием производительных сил. Поэтому, элементы духовной культуры, в особенности обрядность, отличается значительной устойчивостью и преемственностью. Это объясняется тем, что она менее зависима от экономических и географических факторов, чем материальная культура, материальное производство. Естественно, что в области обрядности запечатлелось много черт, отражающих не только архаические особенности культуры отдельных этнических общностей, но и древние культурные взаимовлияния, рис. 20, 21, 22.

У некоторых групп алтайцев вместе с приданым девушка получала и

Рис. 20. Казахский аул с флагом.

культурные предметы, семейные реликвии. Так, у телеутов вместе с приданным везли также и амангадер, которые изготавливались самой старшей родственницей дома. Амангадеры (эмегендеры) представляли собой тряпочные куклы, набитые паклей, без ног и рук, с бисером на месте глаз. Каждая девушка получала их при выходе замуж или перед рождением ребенка. Они считались покровительницами домашнего очага, помощниками при рождении ребенка и его воспитании [42].

Особые женские семейные покровители, кроме алтайцев, отмечены у кетов, самодийских (ненцев, селькупов), угорских и некоторых тюркоязычных народов. В свадебной обрядности сибирских татар имеется много сходных черт. Очень красочен свадебный поезд, ведущий невесту в дом к будущему мужу у южных и восточных хантов. В южных областях Западной Сибири сани или лодку, в которых везли невесту, украшали. Над санями делали покрытие и на нем укрепляли перевязанные шнуром, сплетенным невестой, платки и куски тканей, означающие подарки свекру и свекрови и почитаемому духу. После свадьбы этот ворох платков и кусков ткани развязывали и часть раздавали гостям [43].

Представление о связи, существовавшей между знаменем и ханским достоинством Чингиз-хана, нашло яркое выражение в позднейшем монгольском фольклоре. Г.Н. Потанин записал дербютское предание о дочери Чингиз-хана, которая отправляясь замуж, пожелала получить в приданое Белое небесное знамя – «Тенгри Цаган туг», – своего отца. «Чингис, – говорит предание, – отказал ей, сказав, что он хан, властитель, и не может отказаться от признака своей власти. Тогда дочь украли знамя и ушла» [44, с. 324–325].

Большой ритуальный смысл наши предки вкладывали в сакральное значение знамени, которое выступало как центр пути, расположенный на границе двух миров. Эти два мира невесты соединяет путь свадебной процессии, охраняемой духами предков. Путь назад ограничен, путь вперед открыт и свободен. Караван невесты, переносящий ее из одного социального статуса в другой, содержит массу сакральных предметов и символов (платок, украшения и т.п.). Преодолев этот сакральный путь, невеста навсегда уходит из мира незамужних девушек,

Рис. 21. Казахская юрта с флагом.

Рис. 22. Казахский аул и юрта с флагом на закате.

принимая на себя новый социальный статус замужней женщины. Через свадебную обрядность, песни, сакральные предметы свадебной процессии, родовое знамя невеста обретает защиту предков.

Для изучения казахского традиционного общества, истории формирования национального самосознания казахов большое значение имеют зафиксированные этнографические примеры. Речь, в частности идет о рисунке А. де Барбиша, а также приведенный Г.Н. Потаниным пример. Таким образом, казахская свадебная обрядность предстает в качестве важного элемента в сохранении и передачи богатого духовного наследия казахского народа, который в свою очередь вобрал в себя значительный пласт древнетюркского наследия.

Рис. 23. Тангутское знамя на похоронах императора.

Рис. 24. Похороны Хосруе с флагом. Миниатюра.

Рис. 25. Похоронная процессия в степи.

Теперь обратим внимание на другой рисунок А. де Барбиша, запечатлевший похоронную процессию казахов, рис. 28. Здесь также, по нашему убеждению, художник показал знамя, рис. 29. На рисунке показано как похоронная процессия направляется из аула на родовое кладбище, где ее уже ожидает группа людей у выкопанной в земле ямы для погребения покойника. Во главе траурного кочевья верблюд с телом умершего, далее *тул ат* – конь покойного, полностью снаряженный седельно-сбруйным комплексом с боевым доспехом и оружием. Далее следуют родные и близкие, сопровождающие тело.

В нашем распоряжении есть несколько аналогичных зарисовок, а также письменных описаний, относящихся к разным хронологическим периодам истории евразийских кочевников. Это церемония похорон знати в древнетюркское время, сцены похорон тангутского императора в эпоху монгольских завоеваний и похорон в ильханском Иране.

Рис. 26. Встреча с похоронной процессией у Казалинска. Худ. Н.Н. Каразин.

М.Г. Крамаровский для интерпретации знамени Чингиз-хана обратил внимание на икону «Гуаньинь» привезенную в 1909 г. в Петербург из Хара-Хото П.К. Козловым. На иконе, в сцене похорон, изображен редкий вариант тангутского императорского знамени, очень большого, перевитого лентами, с желтым, золотым

Рис. 27. Древнетюркские знаменосцы (по А.Н. Марьяшеву).

Рис. 28. «Погребальное шествие киргизов (казахов)». Худ. А. де Барбиш.

Рис. 29. Фрагмент рисунка А. де Барбиша «Погребальное шествие киргизов (казахов)».

навершием и красной кистью. Здесь нас интересует знамя, присутствующее в похоронных обрядовых действиях в свернутом походном положении, рис. 23. В следующем изобразительном источнике со сценой похорон в ильханидском Иране также присутствует знамя, шлем с отличительным знаком и зонтик, неперменный атрибут средневекового правителя – чингизида, рис. 24.

Приведенные примеры убеждают нас в том, что в некоторых случаях в похоронной процессии знатных особ у кочевнических народов присутствовало знамя. Вполне очевидно, в таком случае, что знамя принадлежало покойному. На рисунке де Барбиша со сценой похорон казахского чингизида знамя покрывает его тело. Оно прямоугольной формы, белого цвета с ярко выраженным оригинальным орнаментом и окантовкой по краю, рис. 29.

Арабский путешественник Ибн Фадлан слышал, что в стране Волжских Булгар, у сакалибов знать погребали в сопровождении знамени. «После омывания покойника, – рассказывает путешественник – везут его на повозке, которая тащит его понемногу вместе со знаменем, пока не придут с ним к месту, в котором похоронят его». После похорон «жителям надлежит водружать на дверях его палатки знамя». Они приносят его оружие и кладут вокруг его могилы и не прекращают оплакивание два года. По прошествии двух лет они снимают знамя и отрезают часть своих волос, и родственники покойного созывают знатный пир, посредством которого объявляют об окончании траура. И если у него была жена, то она выходит замуж. Это так происходит, если он был из числа главарей. Обыкновенных людей хоронили иначе без знамен, и сложных обрядов [45].

То есть ритуал сопровождения и присутствия знамен при похоронах знатных людей, правителей является

традиционным культовым погребальным ритуалом в евразийской зоне, в зоне распространения и влияния тюрко-монгольских империй. Если обратиться к этнографическим источникам, то можно найти очень богатый материал, раскрывающий этот вопрос.

Рис. 30. Могила святого казаха.

Рис. 31. Казахские похороны.

Аналогичная роль знамени в погребальном обряде отмечена в недавнем прошлом у кыргызов. Во время байги, по случаю смерти одного из манапов, юрта покойного была отмечена стягом, а затем юрта и стяг были переведены на место поминальных торжеств [46]. «Потом несут его (покойного) к могиле, в сопровождении плачущих жен и шеста с черным платком» [47]. Сходные сведения можно обнаружить в работах А.И. Левшина, В.В. Радлова: «Везут его (покойного) на верблюде к могиле в сопровождении родственников и плачущих женщин, с навязанным на длинном шесте черным платком вместо знамени [48; 49].

Т.Беккожина в своей статье «Песни-плач – жоктау» пишет: «в Центральном и Восточном Казахстане женщина, поющая жоктау, держалась за бока, а в некоторых местностях (Джамбульская область) она опиралась на пику (найза), который выходил наружу через верхнее отверстие юрты (шанырак). К этой пике в знак траура привязывали красную материю» [50].

В описании И.Алтынсарина: «Конская сбруя, платье и оружие и вообще все лучшие вещи покойного развешиваются в кибитке, затем на левой стороне ставят длинное копье. Все эти вещи (покойного) выставляются иногда с год» [51], рис. 31.

Т.Баялиева в книге «Доисламские верования и их пережитки у киргизов» так пишет о проведении похорон: «Флаг привязывали к боевой пике (найза), которая либо просто была прислонена к юрте, либо ее выставляли наружу. Эта пика должна была стоять год, а во время годовых поминок ее ломали, сгибали или просто втыкали в могилу умершего» [52], рис. 30.

Пику-найзу, копье или шест ставили с белым платком, если умирал старый человек, с черным платком – по умершему мужчине средних лет, с красным – если умерший был молодой [53].

Наша реконструкция белого знамени казахского чингизида, основанная на рисунке де Барбиша, приведена на рис. 32. Для обоснования этой реконструкции хотелось бы привести дополнительные аргументы.

На рисунке де Барбиша над телом покойного установлена П-образная деревянная конструкция, рис. 29, на ней крепятся два колокольчика желтого (золотого?) цвета. Аналогичные пучки перьев – «султаны» – мы можем видеть в уже упоминавшихся гербе князя Чингиса (на боевой короне Чингиз-хана, только здесь они алого, красного цвета), знамени тангутского императора и ильханского чингизида. Этот элемент, по всей видимости, является маркером, обозначающим принадлежность покойного к ханско-султанскому сословию.

Подробное описание упомянутой деревянной конструкции и султанов на нем, но более позднего колониального периода, содержится в современных этнографических энциклопедиях.

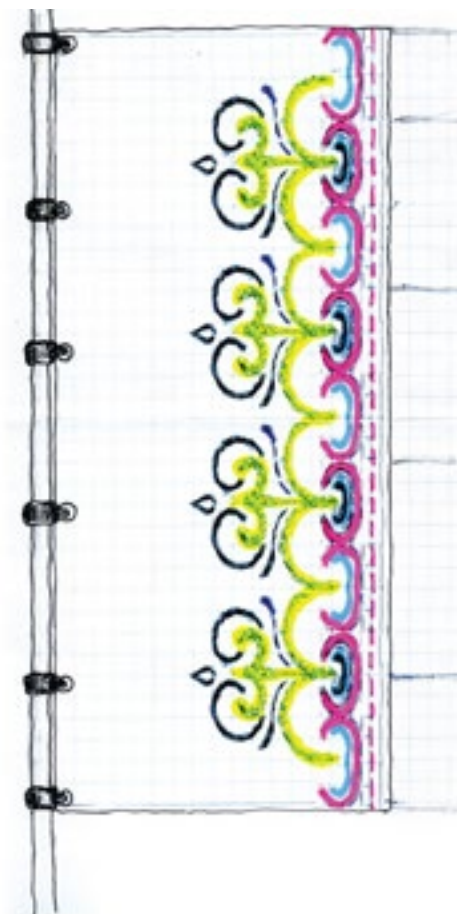

Рис. 32. Казахское Белое знамя.
Реконструкция Бимендиева
А.Ш. Знамя № 2.

Для нас важным моментом является повествование в романе «Путь Абая» М.Ауэзова [54] о выставлении, отметки стягом юрты покойника («Кара тигу»): «Байдалы как уложил тело в воздвигнутой юрте для покойного, на правой стороне белой юрты, собственноручно воздвигнул пику-найзу с флагом. «Кара» представляет собой воздвигнутый флаг на высокой пике-найзе. Если бы Божей был бы выходцем из торе-чингизидов, то воздвигнули бы не флаг-кара, а знамя его собственного рода. Именно в таких случаях обнаруживаются разделение чингизидов по линии разных предков, имеющие разные знамена: белознаменные, пестрознаменные и др. Когда умирает простолудин, цвет флага определяется только по возрасту покойного. Суюндик объяснил, что если умерший был молодой – надо ставить флаг красного цвета, а белого цвета ставили в случае смерти старого человека. Продолжая он сказал: Божею, как человеку средних лет, надо ставить флаг с одной стороны белого цвета, а с другой красного». Вот что он имел в виду, когда Байдалы соорудил флаг (кара) для установки на юрте» (перевод наш. – А.Б.).

Весь вышеприведенный этнографический материал, а также очень информативная сцена похорон, запечатленная в картинках де Барбиша, позволяет сделать предположение, что тело покойного в траурной процессии сопровождает его знамя.

Рис. 33. Казахский флаг. Проект
А.Кастеева.

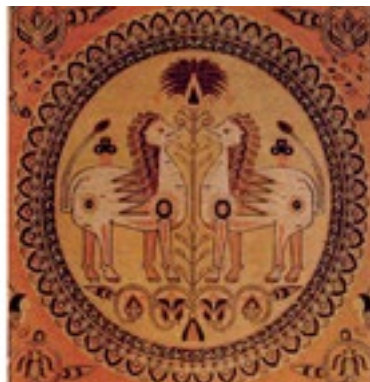

Рис. 34. Узор ковра XII в.
(по А.А. Игнатэнко).

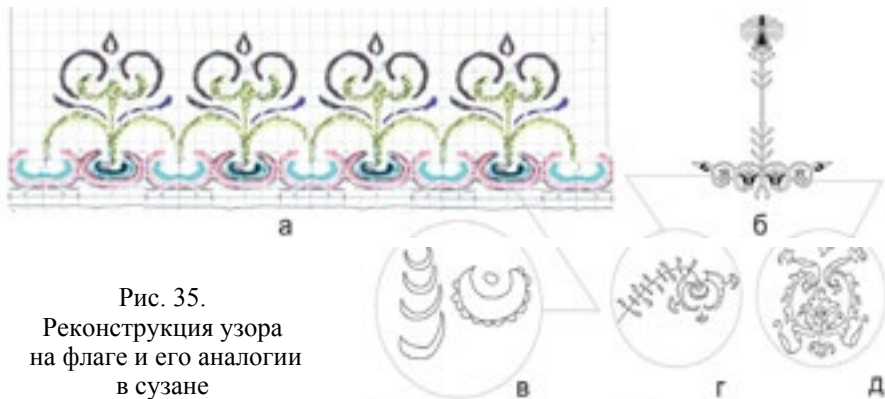

Рис. 35.
Реконструкция узора
на флаге и его аналогии
в сузане
(по О.А. Сухаревой).

Варианты мотива от
тийоги «копыта лошади»

Варианты композиции от
тийоги «копыта лошади»

Для осмысления семантики орнаментальных мотивов Белого знамени де Барбиша нам необходимо учитывать богатую мифологию казахского народа, его представления о космосе и основах мироустройства. Здесь не следует строго идти по пути поиска орнаментальных аналогий, нужно направить анализ в русло этимологии изображенных узоров.

Рассматриваемый орнамент, как художественное явление, представляет собой очень насыщенную по цвету, многослойную композицию. Он включает в себя, характерные для кочевников евразийских степей средневековья, рогообразные мотивы. Усложненные формы трилистника, полученные в результате использования разной цветовой гаммы, завершают узоры «копыта лошади» и сердцевидные мотивы падающей волны, рис. 35. Как цельная композиция она символизирует известный образ древа мира. Но вместо обычных подставок в виде пирамидок, обозначающих мировую гору, на которой произрастает это древо, в нашем случае, оно опирается тремя корнями или тремя ножками на отдельные фигуры, называемые в казахской орнаменталистике ат түйәғы (копыта лошади), рис. 35б-д.

Поиск аналогов орнамента показал, что это редкая композиция. Средневековый аналог показан на рис. 34 [55], этот вариант имеет более усложненную, нагруженную дополнительными элементами форму, возможно ильханского периода. А второй вариант, что удивительно, оказался намного моложе нашего орнамента, он напрямую связан с узорами на знамени. Речь идет об одном из вариантов знамени Казахской ССР, нарисованных А.Кастеевым в 1949 г. [56]. Возможно старейшему казахскому художнику были еще известны несохранившиеся до нашего времени образцы подобного оформления знамен, рис. 33.

На наш взгляд, в основе семантики орнамента Белого знамени, представлено «мировое дерево», символизирующее по древнетюркскому мировоззрению древко знамени с навершием каплевидной формы. Оно совпадает с аналогичными формами печатей казахских ханов и султанов, являющихся на наш взгляд вместилищем харизмы Чингиз-хана. А ассиметричные формы трилистников (два конца торчат вверх, а третий загнут вниз) т.н. «лапа сокола» [26], мотив восходящий к сюжетам «Сокровенного сказания монголов»: «белый сокол, зажавший в когтях солнце и луну», и являющийся иконографическим воплощением харизмы Есугея и «народа кият» [31].

Художник изобразил всего четыре древка, символических знамен, каждое из которых опирается на три ножки. Это созвучно походной форме крепления и установки стяга у кочевников, но опоры, на которых стоят древки знамен «аттүйәғы», говорят о конном сопровождении.

Рис. 36. «Перемена жилища».
Худ. А. де Барбиш.

Интересная числовая параллель: девять «копыт лошади», поддерживающих символические знамена в нашем изображении и девятиножное знамя в «Сокровенном сказании». Другое совпадение: девять «копыт лошади», в нашем случае, с девятью знаменосцами, состоявшими при «Великом белом знамени» Чингиз-хана, которое водружалось в центре ставки [57]. Хочется провести одну аналогию: вокруг «Великого белого знамени» ставилось восемь малых «сульде», т.е. восемь малых знамен. Итого их было девять. Для казахских чингизидов таким сакральным числом была цифра четыре. Бок о бок стоят четыре знамена – знамя старшего хана (как при хане Тауке) и стяги ханов трех жузов. Таковым, на наш взгляд, был посыл художника, когда он изобразил четыре орнамента – мировых древа – на казахском знамени умершего чингизида.

Хорошо известный специалистам по истории Казахстана фундаментальный рукописный труд русского дипломата и путешественника Я.П. Гавердовского «Обзрение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я), или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого», написанный в 1804 г. содержит оригинальные сведения о знаменах, воинском состоянии, образе ведения войны и проч. Позволим себе привести здесь обширную цитату из его труда:

«Прежде, когда в ордах господствовал порядок, каждый род на случай войны имел особенного цвета знамя или кусок бумажной материи, навязанный на пику. В отделениях, или аймаках, и тюбях были также распределены значки, цветом соответствующие родовому знамени. Они во время битвы служили вместо кормила для рабоборствующих. Толпы следовали всегда около своих знамен; где они видимы были, там более теснились воины и производили жестокую сечу. Как скоро воинство теряло их из глаз, то рассеивалось в беспорядке, считая себя побежденным. Нередко отважная храбрость и искусство от управлявших таковыми знаменами давала случай выигрывать сражение над сильными неприятелями.

Как скоро старейшина или султан, управлявший родом, выставлял у своей хижины знамя, тогда все могущие управлять оружием, как бы возбужденные от сна, хватались за оно. Гонцы бегали из аула в аул, рассеивая весть брани, всюду раздавались крики наступающей войны; всюду в союзных аймаках поднимались также знамена, призывающие ратников, которые, облекшись в твердую сбрую, на добрых конях летели к сонму сотоварищей, совокупленных под сими развевающими знаками кровопролития.

Стекшись в единое место, все разделялись по партиям, и каждая, составивши

Рис. 37. Фрагмент рисунка
А. де Барбиша «Перемена
жилища».

свой круг, выбирала из среды своей храброго и отважного начальника. Наконец, избранные сии особы назначили из своего общества двух родовых предводителей, известных опытностью и мужеством. Один из оных должен был представлять главу воинства, или, лучше сказать, правителя совета, без которого никаких предприятий производить не позволялось, другому же поручалось хранение родового знамени.

Если для военного предприятия шли несколько родов, то частные военачальники избирали четырех военных полководцев, из коих двое хранили главное знамя всей орды, а другие управляли советом» [58, с. 433–434].

Форму третьего знамени мы видим на картине «Перекочевка у киргизов», рис. 36. Форма аналогична знамени, которое мы видели в свадебной процессии. Видны те же султанские регалии в виде двух сверток перьев, установленные в П-образной конструкции. Рисунки на полотнище могут быть изображением тамг, подвластных хану или султану родов и племен. Обрамление напоминает те же заплетенные веревки. Выделенные узоры напоминают мотивы, изображенные во внешней части шатров правителей средневековья (ильханские принцы), рис. 37, а также в оформлении окантовки юрты казахского шамана-баксы, рис. 38.

Рис. 38. Узоры на юртах монгольской-иранской миниатюры XIII в. и фотографии казахского шамана начала XX в.

Рис. 39. Казахское Пестрое знамя. Реконструкция Бимендиева А.Ш. Знамя № 3.

Рис. 40. Древнетюркские знаменосцы (по А.Н. Марьяшеву).

Некоторые исследователи-орнаменталисты элемент по форме спирали, напоминающий бараний рог (кошкар мүйіз, архар мүйіз), ассоциируют с движением, развитием и нарастающей силой. Симметричные, похожие на рога барана, части спирали разделяют потоки энергии на две части, поэтому их еще называют символом власти [59; 60]. Вспомним в этой связи, что ураном казахских ханов было слово «Архар», уводящее нас в еще более далекую эпоху ранних кочевников Казахстана, в мифологических представлениях которых образ горного барана напрямую ассоциировался с понятием фарна – олицетворением божественной царской власти.

На картине обращает внимание то, что «предполагаемое» знамя сопровождают вооруженные пиками казашки девушки-всадницы. Это знамя не остается без присмотра, представляя собой ритуал имитации военного сопровождения.

Из-за рисунков, нанесенных на полотнище это знамя можно отнести к пестрым знаменам, упоминаемые М. Ауэзовым в «Путь Абая», а также Ч.Ч. Валихановым в своем отчете: «обладателей пестрого знамени среди торе-чингизидов мало. Они живут в Великом жузе» [61].

Часто в устном казахском фольклоре встречается определение некоего пестрого знамени. Оно может быть «көк ала ту» («синее пестрое знамя»), либо «ала-шубар ту» («огненно пестрое знамя») [62].

Как представляется, проведенные нами анализ и реконструкция трех видов знамен казахских торе-чингизидов, запечатленных в акварельных зарисовках военного художника-топографа А. де Барбиша в конце XVIII в., позволяют значительно углубить наши представления о таком удивительном, но еще малоисследованном, феномене военно-политической культуры казахского народа, каковым является знамя «ту» (или знаменный комплекс) и, что немаловажно, расширить спектр его реального практического применения, охватывающего помимо главной области его использования – военного дела, многие другие сферы жизни традиционного кочевого общества (религиозную, обрядовую и т.д.), что обусловлено, прежде всего, как мы стремились показать, сложной идеологической системой оформления власти, в основе которой лежит концепция «небесного» происхождения и обладания особой харизмой представителей «золотого рода» Чингиз-хана.

Литература

1 Ерофеева И.В. Символы казахской государственности. (Позднее средневековье и новое время). – Алматы: ИД Аркаим, 2001. – 152 с.

2 Атыгаев Н. О некоторых символах власти (трон и корона: от Монгольской империи к Казахскому ханству) // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz» № 1 // <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/180>

3 Мухаммед Хайдар Дулати. Тарих-и Рашиди. Перевод с персидского языка А.Урынбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. 2-е изд., доп. – Алматы: Санат, 1999. – 656 с.

4 Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. – Т. II. Извлечения из персидских сочинений собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 308 с.

5 Атыгаев Н., Джандосова З.А. Новый источник по истории Казахстана XVI в.: предварительные результаты изучения Алам-ара-ий Шах Исмаил // Отан тарихы, 2013. – №2. – С. 73–84.

6 ХафизТаныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-наме-ий шахи (Книга шахской славы) / Пер. сперс., введ., прил. и указатели М.С. Салахетдиновой. – М.: Наука, 1983. – 298 с.

7 Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители Ибрагимов С.К., Мингулов Н.Н., Пищулина К.А., Юдин В.П. – Алма-Ата: Наука, 1969. – 652 с.

8 Курбангали Халид. Тауарих хамса (Бес тарих). – Алматы: Казахстан, 1992. – 304 бет.

9 Большой атлас истории и культуры Казахстана / Гл. рук. проекта А.Ш. Бимендиев. – Алматы: АО «АБДИ Компани», 2008. – 880 с.

10 Окладников А.П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. – Вып. 1. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 143–154.

11 Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шарафнама-ий шахи (Книга шахской славы) // Факсимиле рукописи Д. 88. Пер. с перс., введ., прим. указат. Салахетдиновой М.А. – М.: Наука, 1989. – Ч. 2. – 209 с.

12 Дмитриев С.В. Знаменный комплекс в военно-политической культуре средневековых кочевников Центральной Азии (некоторые вопросы терминологии и морфологии) // Para-bellum. Военно-исторический журнал. – СПб., 2002. – № 14. – С. 47–66.

13 Советова О.С., Мухарева А.Н. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // Археология Южной Сибири. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения В.В. Боброва. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – Вып. 23. – С. 92–105.

14 Мукатаев Г.К. Хан Жангир. Великий преобразователь степи. – СПб.: Изд-во М.В. Иркиной, 2001. – 88 с.

15 Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Герб князя Чингиса. – Часть 12. – С. 12. Российский государственный исторический архив. СПб // эл. ресурс: <http://gerbovnik.ru/arms/1973.html>

16 Гребельский П., Думин С., Шумков А., Катин-Ярцев М., Ленчевский Т. Дворянские роды Российской империи. 1721–1917. – Т. 2: Князья. – СПб.: ИПК «Вести», 1995. – 264 с.

17 Лучок со стелой. Российский этнографический музей. – Санкт-Петербург. – Инв. № 650-54-57.

18 Этнографический обзор населения долины южного Енисея. – Минусинск: Издано на средства В.А. Данилова, типография В.И. Корнакова, 1900. – 101 с.

19 Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). – М.: Наука, 1991. – 300 с.

20 Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – М.: Изд. вост. лит., 1963. – Т. III. – Ч.2. – С. 1432.

21 Скрынникова Т.Д. Харизма и власть. Изд. 2-ое перераб., доп. и испр. – СПб.: Евразия, 2013. – 384 с.

22 Казахи. История и культура / Гл. рук. проекта А.Ш. Бимендиев. – Алматы: АО «АБДИ Компани», 2013. – 656 с.

23 Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. Изд. 2-е. – Алматы: Фонд XXI век, 2002. – 206 с.

24 Journal von der a[nn]o 1736 aus Orenburg zudemAbulGeier Chan der Kirgis-KaysackTartarischenHorda ... Reise // Materialenzu der Russischen Geschichte seitdemTode Raisers Peter des Grossen / Ed. by Schmidt-Phiseldeck Ch. Th.2: 1730–1741. – Riga, 1784.

25 Скрынникова Т.Д. Представления монголов XIII в. о харизме и культ Чингиз-хана // «Тайная история монголов». Источниковедение, история, филология. – Новосибирск: Наука, 1995. – С. 66–88.

26 Сухарева О.А. Сузани: Среднеазиатская декоративная вышивка. – М.: Вост. лит., 2006. – 159 с.

- 27 De Rachewiltz Igor. Index to the Secret History of the Mongols. – Bloomington, 1972. – 343 pp.
- 28 Крамаровский М. Золото чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. – СПб.: Славия, 2001. – 364 с.
- 29 Галданова Г.Р. Эволюция представлений о Тенгри (по текстам монголоязычных обрядников) // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. – С. 94–107.
- 30 Мэн-да Бэй-лу (Полное описание монголо-татар) факсимиле ксилографа; пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н.Ц. Мункуева. – М.: Наука, 1975.
- 31 Сокровенное сказание: монгольская хроника. 1240 г. – Т. I. Введение и изучение памятника, перевод текста, глоссарий С.А. Козина. – М., Л.: АН СССР, 1941.
- 32 Спицын А.А. Татарские бойсы // Известия Императорской археологической комиссии. – СПб.: Изд. Имп. Акад. наук, 1909. – Вып. 29. – С. 130–141.
- 33-34. Лаврентьев К.И. Взятие Урги бароном Унгерном // Барон Унгерн в документах и мемуарах. – М.: Товарищество научных изданий ММК, 2004. – 414 с.
- 35 Князев Н.Н. Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны // Луч Азии. – Харбин, 1935. – 15 с.
- 36 Жерсон В. Нацизм – тайное общество. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. – 128 с.
- 37 Эл.ресурс: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1003092>
- 38 Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалев А.И. Ногайцы. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского кн. изд-ва, 1988. – 232 с.
- 39 Левинтон Г.А. Из лингвистических комментариев к славянскому обрядовому тексту // Славянское и балканское языкознание. – М.: Наука, 1977. – 344 с.
- 40 Тадина Н.А. Алтайская свадебная обрядность XIX–XX вв. – Горно-Алтайск: Издат.: Юч-Сюмер, 1995. – 207 с.
- 41 Дьяконова В.П. Персонажи пантеона бурханистов Алтая // Сибирский сборник к юбилею Е.А. Алексеенко. – СПб: МАЭ РАН, 2010. 324 с.
- 42 Ефимова А. Телеутская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. – Л.: Наука, 1926. – Вып. 7. – С. 225–246.
- 43 Патканов С. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина, 1891. – Вып. III–IV.
- 44 Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия 1879 г. – Вып. IV. Материалы Этнографические. – СПб.: Типография В. Киршбаума, в д. М-ва Финансов, на Дворцовой пл., 1883. – 1025 с.
- 45 Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 77 с.
- 46 Дмитриев С.Е. Байга у кара-киргизов по случаю смерти манапа Шабдана Джантаева в Пишкекском уезде / Журнал заседаний отделения этнографии РГО. Заседание от 18 января 1913 г. // Живая старина, 1913. – Вып. I–II. – С. XXX.
- 47 Терещенко А. Следы Дешт-и-Кипчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда // Москвитянин. – Москва: В типографии В.Готье и Н.Степанова, 1853. – 518 с.
- 47 Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей. – СПб.: Типография Карла Крайя, 1832. – Ч. III. – 264 с.
- 48 Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. – М.: Наука, 1983. – 314 с.
- 49 Бекхожина Т. Песни-плачи жоктау // Музыкознание. – Алма-Ата: Мин-во высш. и ср. спец. образования Каз. ССР, 1971. – Вып. V. – С. 71–77.
- 50 Алтынсарин И. Очерк обычаев при похоронах и поминках у киргизов Оренбургского ведомства // Записки Оренбургского отдела Императорского

Русского географического общества. – Казань: В университетской типографии, 1870. – Вып. 1. – С. 117–122.

51 Баялиева Т. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. – Фрунзе: Илим, 1972. – 170 с.

52 Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. – Алматы: РПК «СЛОН», 2012. – 736 б.

53 Ауезов М. Абай жолы: Роман-эпопея. – Алматы: Жазушы, 2003. – 384 б.

54 Игнатенко А.А. В поисках счастья. Общественно-политические воззрения арабо-исламских философов средневековья. – М.: Мысль, 1989. – 255 с.

55 Қазақ қолөнері. Каталог. Ә. Қастеев атындағы ҚР мемлекеттік өнер мұражайы. – Алматы: АБДИ Компани АҚ, 2010. – 436 с.

56 Банзаров Д. Собрание сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 374 с.

57 История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / Составитель И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – Т. V. – 620 с.

58 Ибраева К. Казахский орнамент. – Алма-Ата: Өнер, 1994. – 128 с.

59 Буткевич Л.М. История орнамента. – М.: Владос, 2008. – 267 с.

60 Валиханов Ч.Ч. Родословное древо казахских ханов и султанов // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. В 5-и томах. – Алма-Ата: Наука, 1985. – Т. 4. – 463 с.

61 Турханова А.Ж. К вопросу об истории политической символики // Эл.ресурс: <https://repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/6198/k-voprosu.pdf?sequence=1>

References

1 Erofeeva I.V. Simvolny kazahskoj gosudarstvennosti. (Pozdnee srednevekov'e i novoe vremja). – Алматы: ID Arkaim, 2001. – 152 s.

2 Atygaev N. O nekotoryh simvolah vlasti (tron i korona: ot Mongol'skoj imperii k Kazahskomu hanstvu) // Jelektronnyj nauchnyj zhurnal «edu.e-history.kz» № 1 // <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/180>

3 Muhammed Hajdar Dulati. Tarih-i Rashidi. Perevod s persidskogo jazyka A.Urynbaeva, R.P. Dzhililovoj, L.M. Epifanovoj. 2-e izd., dop. – Алматы: Sanat, 1999. – 656 s.

4 Sbornik materialov odnosjashhihsja k istorii Zolotoj Ordy. – Т. II. Izvlechenija iz persidskih sochinenij sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym. – М., L.: Izd-vo AN SSSR, 1941. – 308 s.

5 Atygaev N., Dzhandosova Z.A. Novyj istochnik po istorii Kazahstana XVI v.: predvaritel'nye rezul'taty izuchenija Alam-ara-ij Shah Ismail // Otan tarihy, 2013. – №2. – S. 73–84.

6 HafizTanysh ibn Mir Muhammad Buhari. Sharaf-name-ij shahi (Kniga shahskoj slavy) / Per. spers., vved., pril. i ukazateli M.S. Salahetdinovoj. – М.: Nauka, 1983. – 298 s.

7 Materialy po istorii kazahskih hanstv XV–XVIII vv. (Izvlechenija iz persidskih i tjurkskih sochinenij). Sostaviteli Ibragimov S.K., Mingulov N.N., Pishhulina K.A., Judin V.P. – Alma-Ata: Nauka, 1969. – 652 s.

8 Kurbangali Halid. Tauarih hamsa (Bes tarih). – Алматы: Kazahstan, 1992. – 304 bet.

9 Bolshoj atlas istorii i kultury Kazahstana / Gl. ruk. proekta A.Sh. Bimendiev. – Алматы: АО «АБДИ Компани», 2008. – 880 s.

10 Okladnikov A.P. Kon' i znamja na Lenskih pisanicah // Tjurkologicheskij sbornik. – Вып. 1. – М., L.: Izd-vo AN SSSR, 1951. – S. 143–154.

11 Hafiz-i Tanysh ibn Mir Muhammad Buhari. Sharafnama-ij shahi (Kniga shahskoj slavy) // Faksimile rukopisi D. 88. Per. s pers., vved., prim. ukazat. Salahetdinovoj M.A. – M.: Nauka, 1989. – Ch. 2. – 209 s.

12 Dmitriev S.V. Znamennyj kompleks v voenno-politicheskoj kul'ture srednevekovyh kochevnikov Central'noj Azii (nekotorye voprosy terminologii i morfologii) // Para-bellum. Voенno-istoricheskij zhurnal. – SPb., 2002. – № 14. – S. 47–66.

13 Sovetova O.S., Muhareva A.N. Ob ispolzovanii znamen v voennom dele srednevekovyh kochevnikov (po izobrazitel'nym istochnikam) // Arheologija Juzhnoj Sibiri. Sbornik nauchnyh trudov, posvjashhenyj 60-letiju so dnja rozhdenija V.V. Bobrova. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005. – Vyp. 23. – S. 92–105.

14 Mukataev G.K. Han Zhangir. Velikij preobrazovatel' stepi. – SPb.: Izd-vo M.V. Irkinov, 2001. – 88 s.

15 Obshhij gerbovnik dvorjanskih rodov Vserossijskoj imperii. Gerb knjazja Chingisa. – Chast' 12. – S. 12. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. SPb // jel. resurs: <http://gerbovnik.ru/arms/1973.html>

16 Grebel'skij P., Dumin S., Shumkov A., Katin-Jarcev M., Lenchevskij T. Dvorjanskije rody Rossijskoj imperii. 1721–1917. – T. 2: Knjaz'ja. – SPb.: IPK «Vesti», 1995. – 264 s.

17 Luchok so steloj. Rossijskij jetnograficheskij muzej. – Sankt-Peterburg. – Inv. № 650-54-57.

18 Jetnograficheskij obzor naselenija doliny juzhnogo Eniseja. – Minusinsk: Izdano na sredstva V.A. Danilova, tipografija V.I. Kornakova, 1900. – 101 s.

19 Dugarov D.S. Istoricheskie korni belogo shamanstva (na materiale obrjadovogo fol'klora burjat). – M.: Nauka, 1991. – 300 s.

20 Radlov V.V. Opyt slovarja tjurkskih narechij. – M.: Izd. vost. lit., 1963. – T. III. – Ch.2. – S. 1432.

21 Skrynnikova T.D. Harizma i vlast'. Izd. 2-oe pererab., dop. i ispr. – SPb.: Evrazija, 2013. – 384 s.

22 Kazahi. Istorija i kul'tura / Gl. ruk.proekta A.Sh. Bimendiev. – Almaty: AO «ABDI Kompani», 2013. – 656 s.

23 Marjashev A.N., Gorjachev A.A. Naskal'nye izobrazhenija Semirech'ja. Izd. 2-e. – Almaty: Fond XXI vek, 2002. – 206 s.

24 Journal von der a[nn]o 1736 aus Orenburg zudemAbulGeier Chan der Kirgis-KaysackTartarischenHorda ... Reise // Materialenzu der Russischen Geschichte seitdemTode Raisers Peter des Grossen / Ed. by Schmidt-Phiseldeck Ch. Th.2: 1730–1741. – Riga, 1784.

25 Skrynnikova T.D. Predstavlenija mongolov XIII v. o harizme i kul't Chingizhana // «Tajnaia istorija mongolov». Istochnikovedenie, istorija, filologija. – Novosibirsk: Nauka, 1995. – S. 66–88.

26 Suhareva O.A. Suzani: Sredneaziatskaja dekorativnaja vyshivka. – M.: Vost. lit., 2006. – 159 s.

27 De Rachewiltz Igor. Index to the Secret History of the Mongols. – Bloomington. 1972. – 343 pp.

28 Kramarovskij M. Zoloto chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoj Ordy. – SPb.: Slavija, 2001. – 364 s.

29 Galdanova G.R. Jevoljucija predstavlenij o Tengri (po tekstam mongolozjazychnyh obrjadnikov) // Srednevekovaja kul'tura Central'noj Azii: pis'mennye istochniki. – Ulan-Udje: BNC SO RAN, 1995. – S. 94–107.

- 30 Mjen-da Bjej-lu (Polnoe opisanie mongolo-tatar) faksimile ksilografa; per. s kit., vved., komment. i pril. N.C. Munkueva. – M.: Nauka, 1975.
- 31 Sokrovennoe skazanie: mongol'skaja hronika. 1240 g. – T. I. Vvedenie i izučenie pamjatnika, perevod teksta, glossarij S.A. Kozina. – M., L.: AN SSSR, 1941.
- 32 Spicyn A.A. Tatarskie bojsy // Izvestija Imperatorskoj arheologičeskoj komissii. – SPb.: Izd. Imp. Akad. nauk, 1909. – Vyp. 29. – S. 130–141.
- 33 Lavrent'ev K.I. Vzjatie Urgi baronom Ungernom // Baron Ungern v dokumentah i memuarah. – M.: Tovarishhestvo nauchnyh izdanij MKM, 2004. – 414 s.
- 34 Knjazev N.N. Legendarnyj baron: neizvestnye stranicy grazhdanskoj vojny // Luch Azii. – Harbin, 1935. – 15 s.
- 35 Zherson V. Nacizm – tajnoe obshhestvo. – M.: KRON-PRESS, 1998. – 128 s.
- 36 Jel.resurs: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1003092>
- 37 Kalmykov I.H., Kerejtov R.H., Sikalev A.I. Nogajcy. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otd. Stavropol'skogo kn. izd-va, 1988. – 232 s.
- 38 Levinton G.A. Iz lingvisticheskikh kommentarijev k slavjanskomu obrjadovomu tekstu // Slavjanskoe i balkanskoe jazykoznanie. – M.: Nauka, 1977. – 344 s.
- 39 Tadina N.A. Altajskaja svadebnaja obrjadnost XIX–XX vv. – Gorno-Altajsk: Izdat.: Juch-Sjumer, 1995. – 207 s.
- 40 D'jakonova V.P. Personazhi panteona burhanistov Altaja // Sibirskij sbornik k jubileju E.A. Alekseenko. – SPb: MAJe RAN, 2010. 324 s.
- 41 Efimova A. Teleutskaja svad'ba // Materialy po svad'be i semejno-rodovomu stroju narodov SSSR. – L.: Nauka, 1926. – Vyp. 7. – S. 225–246.
- 42 Patkanov S. Starodavnjaja zhizn ostjakov i ih bogatyri po bylinam i skazanijam // Zhivaja starina, 1891. – Vyp. III–IV.
- 43 Potanin G.N. Očerki Severo-Zapadnoj Mongolii. Rezultaty puteshestvija 1879 g. – Vyp. IV. Materialy Jetnograficheskie. – SPb.: Tipografija V. Kirshbauma, v d. M-va Finansov, na Dvorcovej pl., 1883. – 1025 s.
- 44 Puteshestvie Ibn Fadlana na Volgu. – M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1939. – 77 s.
- 45 Dmitriev S.E. Bajga u kara-kirgizov po sluchaju smerti manapa Shabdana Dzhantaeva v Pishkekskom uezde / Zhurnal zasedanij otdelenija jetnografii RGO. Zasedanie ot 18 janvarja 1913 g. // Zhivaja starina, 1913. – Vyp. I–II. – S. HHH.
- 46 Tereshhenko A. Sledy Desht-i-Kipchaka i Vnutrennjaja kirgiz-kajsackaja orda // Moskvitjanin. – Moskva: V tipografii V.Gote i N.Stepanova, 1853. – 518 s.
- 47 Levshin A.I. Opisanie kirgiz-kajsach'ih, ili kirgiz-kajsackih, ord i stepej. – SPb.: Tipografija Karla Krajja, 1832. – Ch. III. – 264 s.
- 48 Radlov V.V. Iz Sibiri: stranicy dnevnika. – M.: Nauka, 1983. – 314 s.
- 49 Bekhozhina T. Pesni-plachi zhoktau // Muzykoznanie. – Alma-Ata: Min-vo vyssh. i sr. spec. obrazovanija Kaz. SSR, 1971. – Vyp. V. – S. 71–77.
- 50 Altynsarin I. Očerok obyčaeve pri pohoronah i pominkah u kirgizov Orenburgskogo vedomstva // Zapiski Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva. – Kazan': V universitetskoj tipografii, 1870. – Vyp. 1. – S. 117–122.
- 51 Bajaliev T. Doislamskie verovanija i ih perezhitki u kirgizov. – Frunze: Ilim, 1972. – 170 s.
- 52 Қазақтyң jetnografijalyқ kategorijalar, ұғымдар мен атауларының дәстүрli zhyjesi. Jenciklopedija. – Almaty: RPK «SLON», 2012. – 736 b.
- 53 Auevov M. Abaj zholy: Roman-jepopeja. – Almaty: Zhazushy, 2003. – 384 6.
- 54 Ignatenko A.A. V poiskah schast'ja. Obshhestvenno-politicheskie vozzrenija arabo-islamskih filosofov srednevekov'ja. – M.: Mysl, 1989. – 255 s.

- 55 Kazak koloneri. Katalog. A. Kasteev atyndagy KR memlekettik oner myrazhajy. – Almaty: ABDI Kompani AK, 2010. – 436 s.
- 56 Banzarov D. Sobranie sochinenij. – M: Izd-vo AN SSSR, 1955. – 374 s.
- 57 Istorija Kazahstana v russkijh istochnikah XVI–XX vekov. Pervye istoriko-jetnograficheskie opisaniya kazahskih zemel'. Pervaja polovina XIX veka / Sostavitel' I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev. – Almaty: Dajk-Press, 2007. – T.V. – 620 s.
- 58 Ibraeva K. Kazahskij ornament. – Alma-Ata: Öner, 1994. – 128 s.
- 59 Butkevich L.M. Istorija ornamenta. – M.: Vldos, 2008. – 267 s.
- 60 Valihanov Ch.Ch. Rodoslovnnoe drevo kazahskih hanov i sultanov // Valihanov Ch.Ch. Sobranie sochinenij. V 5-i tomah. – Alma-Ata: Nauka, 1985. – T. 4. – 463 s.
- 61 Turhanova A.Zh. K voprosu ob istorii politicheskoy simvoliki // Jel.resurs: <https://repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/6198/k-voprosu.pdf?sequence=1>

БИМЕНДИЕВ Ә. Ш.

Тәуелсіз зерттеуші, т.ғ.к.

ТУ – ҚАЗАҚ ХАНДАРЫ-ШЫҢҒЫС ҰРПАҚТАРЫ БИЛГІНІҢ РӘМІЗІ РЕТІНДЕ (этнография және көркем сурет өнерінің дерек көздері бойынша)

Түйін

Мақалада этнография және көркем сурет өнері материалдары негізінде қазақтардың XIII ғасыр соңында қолданған туларының ішкі суреттері мен кескіндемелерін өндеп, айқындап көрсету қамтылған. Автор қазақтардың дәстүрлі үйлену тойларында, шаруашылық және мәйітті жерлеу салтында ту мен байрақтарды пайдалану жағдаяттарын келтіреді. Осы тұрғыда автор этнография тарихында алғаш рет өздері іздеп тапқан, әскери суретші-топограф А де Барбиштің суреттерін және басқа да көркем сурет материалдарын, қазақ геральдикасын құнды деректер санатында пайдаланған.

Түйін сөздер: ту, байрақ, таңба, хандар, Шыңғыс ұрпақтары, А. де Барбиш, қазақтар, геральдика, салт-дәстүр.

BIMENDIYEV A. SH.

Independent researcher, Candidate of Technical Sciences

THE FLAG AS A SYMBOL OF KAZAKH KHANS-CHINGIZIDS (based on visual and ethnographic sources)

Summary

In this article the author (based on visual and ethnographic materials) made an attempt to reconstruct the shape and internal pattern of the Kazakhs banner of the late XVIII century. The author gives some arguments in favor of using flags and banners in traditional wedding, economical and funeral rites of the Kazakhs.

The pictures of military painter-topographer A. De Barbish, some other graphic materials, and the Kazakh heraldry were used as a graphic example for the first time.

Keywords: banner, Bunchuk, Tamga, khans, Chingizids, A. De Barbishe, Kazakhs, heraldry, rituals.

Басуға 14.09. 2015 қол қойылды
Шартты баспа табағы –12,5
Офсеттік басылым
Таралымы 500 дана.

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты, «Отан тарихы»
журналының редакциясында басылды

Редакцияның мекен-жайы:
050100, Қазақстан Республикасы,
Алматы қ., Шевченко көшесі, 28